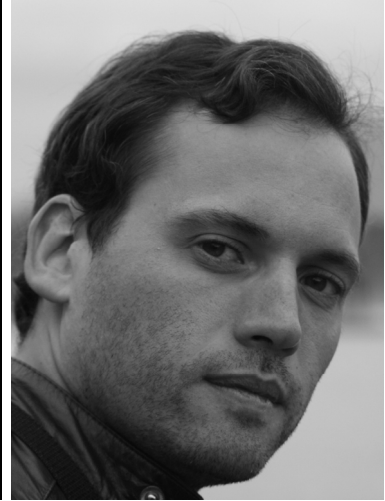

Федор Тарасов
(Москва)

ГЕНИЙ И ПОЛИТИКА

Русская религиозно-философская мысль конца XIX — первой половины XX века была целой эпохой исследования духовных основ и путей развития всего предшествующего периода отечественной истории и культуры. И Пушкин как своеобразная точка отсчета в этом периоде оказался в центре внимания таких ярчайших мыслителей, как Вл. Соловьев, В. Розанов, Дм. Мережковский, Вяч. Иванов, о. Сергей Булгаков, И. Ильин, Г. Федотов и др. Во многом они продолжили тот импульс, который был задан Ф.М. Достоевским, в своей знаменитой пушкинской речи указавшим масштаб духовной значимости самого явления Пушкина для судеб России в контексте всей мировой истории.

В этом же ряду стоит и имя С.Л. Франка, автора нескольких концептуальных статей о Пушкине, появившихся в разное время и в разных изданиях и объединенных затем в сборнике «Этюды о Пушкине» (первое издание — в 1957 году в Мюнхене). С.Л. Франк призывал последовать Достоевскому в восприятии Пушкина как учителя мудрости. Причем Пушкин, как подчеркивает С.Л. Франк, не отвлеченно «философствующий» мыслитель, а именно пронизательный мудрец. Он удивительно просто, живо, лаконично и метко выражает «конкретную полноту реальности» [4, с. 66] и никогда от нее не отрывается. Широтой своего духа, «в глубочайшем смысле слова сверхпартийного», направленного на «всю полноту и целостность бытия и жизни» [Там же, с. 86], он объемлет «самую субстанцию национального духа» [Там же, с. 62], открывающуюся этому «самому замечательному русскому уму XIX века» [Там же, с. 63] настолько же в поэтическом вдохновении, насколько и в исторической и общественно-политической рассудительности.

В силу такого характера пушкинского мироощущения и его собственно политические взгляды являют собой конкретное выражение воспринятого им живого национального духа. В статье «Пушкин как политический мыслитель», впервые вышедшей в виде отдельной брошюры в Белграде в 1937 году и затем включенной в сборник «Этюды о Пушкине», С.Л. Франк убедительно демонстрирует это, анализируя самые различные источники: биографические сведения и художественные произведения, письма и отдельные наброски, «замечания». Философ охватывает в своем обзоре все значимые этапы развития политических взглядов Пушкина, прослеживая определенную логику движения от своеобразного юношеского бунтарского радикализма и романтической мечтательности либерального оттенка к глубокому и трезвому государственному сознанию и консерватизму, монархизму в сочетании «с принципами уважения к свободе личности и к культурному совершенствованию» [4, с. 42]. Это принципиально важно, поскольку источник развития политических взглядов Пушкина и появления конкретных политических предпочтений и суждений коренится как раз в его духовной личности и нравственном характере, обнимающем весь его жизненный путь, и в этом смысле Пушкин всегда оставался верен самому себе.

С.Л. Франк пишет, что пушкинскому духу было свойственно «национально-патриотическое уmonoстроение», обуславливающее и его постоянный интерес к внешнеполитической судьбе России, и его государственное сознание, его монархизм [Там же, с. 43]. И таким образом, подчеркивает философ, Пушкин один из немногих сохранил верность тому пробуждению государственно-патриотических чувств, которое пережила Россия в пору Отечественной войны и победы над Наполеоном. Однако можно и далее развить эту логику углубления во внутренний мир Пушкина и открыть здесь следующий слой, имеющий уже религиозное измерение, — первоисточник, который во всей своей силе и очевидности проявился в последние дни жизни поэта. По известному свидетельству П.А. Плетнева из письма Я.К. Гроту от 24 февраля 1842 года, у Пушкина тогда «было какое-то высоко-религиозное настроение»: он «говорил со мною о судьбах Промысла, выше всего ставил в человеке качество благоволения ко всем» [2, с. 290].

С.Л. Франк упоминает о пушкинском «духе благоволения» в другой статье под названием «Религиозность Пушкина» [4, с. 12]. Но о нем нельзя не сказать именно здесь, поскольку он обуславливает все проявления пушкинского гения. Именно им Пушкин проникал в «судьбы Промысла», о которых, по большому счету, повествуют все его центральные художественные произведения, раскрывая таинственные

сцепления человеческих совершенно различно мотивированных действий с их всегда уходящими в область Промысла плодами. У Пушкина даже есть специальное выражение для таких сцеплений: он называл их «силою вещей». И это выражение встречается как в его художественных текстах — например, в III и IV строфах десятой главы «Евгения Онегина», когда поэт говорит о победе над Наполеоном («...силою вещей / Мы очутились в Париже, / А русский царь главой царей»), — так и, скажем, в записке императору Николаю I «О народном воспитании», где «сила вещей» упоминается как фундамент политической силы правительства.

В эту «силу вещей» вписывается у Пушкина и его монархизм, основанный на глубоком и совершенно беспристрастном внутреннем убеждении (действительно, помимо свойств самой личности Пушкина отнюдь не простые отношения поэта с царским правительством красноречиво свидетельствуют о его удивительной объективности). С.Л. Франк отмечает уникальность монархизма Пушкина на фоне русской политической мысли XIX столетия, состоящую в его видении монархии как главного орудия развития России, видении, за которым стоят глубокие исторические познания и государственная мудрость. В нем нет «ничего общего ни с официальным монархизмом самих правительственных кругов, ни с романтическим, априорно-философским монархизмом славянофилов, ни с монархизмом реакционного типа» [4, с. 54]. Для Пушкина монархия в России полезна и представляет ценность как движущая сила просвещения в общественных масштабах, направленного на возвращение свободы личности и ее культурной образованности и опирающегося на такие высокие начала человеческой природы, как долг, право, честь и достоинство.

Для обеспечения полномасштабного развития этих высоких начал монархия нуждается, по Пушкину, в трех компонентах. Во-первых, опора на историческую преемственность и традиции, в которой проявляются и реализм сознания, охватывающего органическую полноту своего предмета, и любовь, уважение к своим корням — залог «самостоянья» человека, говоря поэтическим языком Пушкина. Во-вторых, преемственность дополняется ее мирным характером: для Пушкина совершенно неприемлемы насильственные революционные потрясения (а история бунта в России ему знакома не понаслышке), о чем он чеканно высказался в «Мыслях на дороге», акцентируя происхождение лучших и прочнейших изменений только из улучшения нравов. И наконец, в-третьих, наличие элиты, а для Пушкина это родовое, потомственное дворянство, — общественного носителя чести, духовной независимости и благородства.

Последний компонент, элита, связывает у Пушкина, по мысли С. Л. Франка, две стороны монархизма, консерватизм общего характера пушкинского политического мировоззрения и своеобразный либерализм требования свободы духовного и культурного бытия личности и ее частного жизненного пространства, ибо последнее обеспечивается как раз культурной преемственностью и наличием ее общественно-го носителя. Однако С. Л. Франк не упоминает другую особенность этого явления, характеризующуюся осмыслением власти не как безликой юридической силы, слепой в своей способности быть повернутой «как дышло» в любую сторону, а как инструмента правды и человечности. И здесь очевидна необходимость опоры на высшие качества человеческой природы, на воплощающую эти качества объединенную силу и ее духовно наиболее авторитетных представителей (что постоянно демонстрировала история государственной жизни России, начиная от прославленных Церковью святых и заканчивая существованием «светского старчества» русских писателей, от Карамзина до Солженицына).

С. Л. Франк выводит из «элитаризма» Пушкина его резкое неприятие демократии, приводя пушкинскую уничтожающую характеристику этого явления как во Франции, так и в Америке [4, с. 48]. Но и здесь у Пушкина речи не идет о презрении к народу — его акцент именно в принципиальной опоре демократии на низшие свойства человека: «С изумлением увидел демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству; большинство, нагло притесняющее общество» [3, с. 104]. Парадоксальным, казалось бы, образом демократия становится по своей внутренней природе близка тирании благодаря заложенным в ней духовно-нравственным механизмам, которые наиболее глубоки и неотвратимы.

Завершая характеристику Пушкина как политического мыслителя, С. Л. Франк указывает на его упреки в революционности в адрес самой монархической власти, начиная с Петра (несмотря на ноты восхищения императором-реформатором; можно вспомнить и вышедшее позднее из поэтических уст М. Волошина наименование Петра I первым большевиком) — царя, открывшего «путь к уравнительному, губительному для культуры и свободы деспотизму» и уничтожению независимых сословий [4, с. 55–56]. И если, подытоживает С. Л. Франк, исторического катаклизма-столкновения русской монархии с сословием элиты, как опасался Пушкин, не произошло, то суть его политических воззрений имела пророческое значение. Именно «хлынувший потоп» «демократического якобинства» «составил как бы социальный суб-

страт большевистской революции и вознес к власти коммунизм, окончательно уничтоживший в России свободу и культуру» [4, с. 57].

В связи с этим заключением философа нельзя не вспомнить еще раз речь о Пушкине Ф. М. Достоевского, видевшего в явлении такого поэта ответ на реформы Петра. И ответ состоит в том, что разделенная реформами нация вновь приводится к единству пушкинским обращением к духу народа, духу, просвещенному не «по-европейски», не внешними науками, а светом Христовым. Достоевский подчеркивал, что Пушкин соединился с народом *взаправду*, показав его красоту, силу и самостоятельное назначение в мире. И продолжая Достоевского, можно отметить примечательное внутреннее единение в произведениях Пушкина того самого независимого слоя чести, о котором подробно говорил в своей статье С.Л. Франк, с народным нравственным кодексом (в отличие от швабриных, пытающихся предательски-конъюнктурно лавировать в народной «волне»). Таким образом, границы социально-политических субстратов у Пушкина определяются в духовно-нравственной системе координат. Петровская же реформа промыслительно послужила неизбежному входу в «современность», «расширению взгляда», выражаясь языком Достоевского: «Через реформу Петра произошло расширение прежней же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное назначение наше, личность и роль нашу в человечестве» [1, с. 47].

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972—1990. Т. 23.
2. Плетнев П. А. Из переписки с Я. К. Гротом // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998.
3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч., 1837—1937 : в 16 т. М. ; Л., 1937—1959. Т. 12.
4. Франк С.Л. Этюды о Пушкине. Париж, 1987.